

Толкнув плечом тяжеленную массивную металлическую дверь, я выбрался на улицу и стал с наслаждением вдыхать колкий морозный воздух. После очередного дня (который мне стыдно называть с приставкой «трудо-») хотелось обновиться — только как это сделать? Очиститься, извалиться, как ребенку, в снегу и пойти в русскую баню? Неплохо, конечно, но все эти желания, постыдные для работника сферы культуры, — это вам не офисный планктонец! — я в который раз в себе подавил.

Сегодня еще был день зарплаты — он же день унижения, потому что я не мог без этого чувства смотреть на цифры, обозначающие то, сколько руб. и коп. мне накапало за рабочий месяц (минус выходные).

Ах да, забыл представиться: меня зовут Юра, мне двадцать пять лет, я музеолог (редкий зверь теперь!), неисправимый гуманитарий, имеющий диплом со средним баллом 4,4, очкарик с «минус пять» и больше романтик, нежели прагматик. Таково краткое резюме — многое уже понятно, не правда ли?

А живу я с мамой, которая периодически меня пилит за нежелание заниматься мужским делом, но в целом меня понимает и сочувствует мне. Девушек у меня было три. Одна замужем, одна открыла бизнес и замуж не собирается вообще, а насчет третьей я не знаю почти ничего. Даже фамилии ее не знаю. Но что же я снова об этом?..

Примерно в полукилometре от музея находится уличный банкомат, в пасть которого я сунул синенькую карточку и, дыша на замерзающие пальцы, ввел пин-код. Экран показал, что деньги есть, и даже на тысячу больше, чем ожидалось, — видимо, зачлось мое активное участие в выставке и выезд в область — директор решил вознаградить молодого служаку денежкой, которую хватит на один проездной и бутылку неважнецкого вина. Я снял всю зарплату и эту тысячу и решил позволить себе посетить полукафе-полуресторан, находящийся на одной из центральных улиц нашего города.

По провинциальной привычке над входом висели китайские колокольчики, и, когда я вошел, раздался звон с намеком на нежность, и меня уже встречали две улыбчивые официантки. Я поздоровался с ними и пошел искать свободный столик. Найдя его, неторопливо разделся, повесил на копье, обозначающее вешалку, старую шапку и выдавшую виды дубленку. Сел.

Тут же передо мной возникло меню. Выбирал я недолго — во-первых, я примерно знал, что здесь сколько стоит, а во-вторых, промедление могло обойтись мне тем, что официантка, не взяв вовремя заказ, «позабыла бы»

обо мне на полчаса — и сиди там, кукуй и листай замусоленное странички с фотографиями блюд и ценами. Заказал я себе двойной самый недорогой виски, маленький стакан сока и простецкую пиццу, начинка которой включала в себя только сыр и несколько трав-приправ. Ожидая заказ, я обратил внимание на то, что все вокруг были или парами, или в компаниях, и только я, думая о том, как бы согреться и поесть, сидел бирюк бирюком в слегка затемненном углу заведения.

Только через полчаса (вечернее время!) принесли разрезанную на восемь кусочков пиццу, а чуть раньше этого — стакан сока, стакан виски и стакан со льдом. Приговорив пару кусков пиццы, я запил это дело деликатным количеством виски, через пару секунд почувствовал небольшую отдачу в голове и разливающееся тепло внутри.

Сок решил оставить на потом — все равно после пиццы будет приличная жажда, не оставшийся же лед растапливать и утолять ее им.

Постепенно хмелея, я чувствовал, что на меня начинает неумолимо надвигаться лирическая волна, и несколько поэтических строк вперемешку состязались в моей голове за право встать на первый план. Победила почему-то строка моего друга Игоря, молодого, но, как говорят, широко известного в узких кругах поэта, и, что удивительно, программиста по специальности. Он был, пожалуй, единственным человеком из всей немногочисленной когорты моих друзей, приятелей и товарищей, который, подобно хорошему врачу-диагносту, мог понять мое состояние практически всегда.

Мои же литературные способности были заметны лишь на уровне школы, будь она неладна — сочинял какие-то бодрые стихи на актуальные темы, да сочинения, говорят, писал неплохо. Я больше живописью увлекаюсь, люблю рисовать портреты, но опять же — уровень их может считаться сносным только для того, кто вскользь, дилетантски или хотя бы недостаточно профессионально оценивает мои работы. И на том спасибо, есть такие люди — так что хотя бы какой-то талант есть во мне или его подобие, не зря живу.

Так вот, в тот вечер я разошелся — двойной порции виски показалось мало, и я попросил милую девушку-официантку повторить: хотел сказать «double», да боялся, что она подумает — выпендриваюсь. Хотя и так принесла бы. Принесла бы дабыл. Рифма. Хотя Игорь бы пожурил за нее, сказал бы, что нельзя лишний звук зарифмовать.

Пицца моя уже была съедена, я чувствовал приближение оптимального хмельного состояния, и в то же время вокруг меня летала назойливая муха стыда — мол, копейки получаешь, гуманитарий, а на виски тратишь почти половину своей премии. Потом будешь самую дешевую колбасу брать на работу с самыми простыми макаронными изделиями, продолжала она.

Я никак не мог понять, каким образом ее прихлопнуть — решил дожждаться прицепного вагона второй порции, который увез бы меня куда подальше от сомнений, коими наполнилась моя вроде как неглупая голова.

Дождлся, с помощью ложечки выловил подтаявший лед из стакана, бросил в стакан с виски (показалось, что там не double, а полторабл какой-то, но не суть, не спорил). Подождал пару минут, выпил сразу половину.

Вспомнилась хрестоматийная блоковская «Незнакомка». Я чувствовал, как мои глаза становились добрее, — это могли бы видеть проходящие даже через очки, я чувствовал, что, несмотря на свои туманные жизненные, карьерные и личные перспективы, я все-таки могу быть чем-то доволен...

Но это — виски, говорил я себе, это — виски. Через два-три часа начнет раскалываться башка, и я лягу на свой продавленный и бывалый диван лишь для

того, чтобы этот день прошел, чтобы сном побороть надвигающуюся волну самобичевания.

В хмельном состоянии я почти всегда с особой остротой вспоминал своих девушек — вспоминал и сейчас, и тогда, после виски, мне казалось, что я могу позвонить каждой из них, и каждая радостно скажет мне в ответ, чтобы я немедленно приезжал — ведь когда-то так и было...

Я изредка общаюсь только с одной из них, и то это касается сугубо деловой сферы — она делает бизнес, а я время от времени веду колонку ее журнала. Колонка журнала посвящена современной живописи — хоть я далеко не самый ведущий специалист в этой области, она доверяет мне писать об этом — реверанс прошлому? Дань былому?.. Она исправно мне платит, а при редких встречах не дает поцеловать себя даже в щеку.

Но ведь когда-то мы любили друг друга, думал я. Когда это было? Мне было восемнадцать — не верится, а ей — Алисе — двадцать пять, и что нас могло соединить? Мне сейчас двадцать пять, как ей тогда, и события семилетней давности для меня потихоньку становятся юрским периодом. Для Юры — юрским периодом, смешно...

Да, я был другим, даже очков не носил — зрение безнадежно испортил в университете, с головой уйдя в науку и чтение после расставания с ней. У нее была своя комната в трехкомнатной квартире. Я жил в этой комнате с ней восемь месяцев. Не удивлюсь, если теперь она выкупила всю квартиру. Я был студентом первого курса, Алиса — аспиранткой.

Я был гораздо увереннее себя сегодняшнего, был во мне какой-то юный азарт — не инстинкт самца, но поступь молодого тигра, скажем так. Я делал тогда то, что сейчас меня не заставит сделать и четыре, и шесть шотов виски. Я перевез к ней необходимые мне по минимуму вещи. Первые месяца три я появлялся в университете, как говорили мои одноклассники (в группе был один парень — я!), по большим праздникам: днем я зарабатывал деньги, занимаясь практически любой работой — клеил объявления, раздавал листовки, разгружал пиво, все что угодно, в общем, — а вечером приходил к ней.

Я любил, когда она встречала меня в подаренном кем-то кимоно — оно практически полностью — до щиколоток — закрывало ее тело, и в комнате я не спеша освобождал ее от цветистого японского халата и медленно, но уверенно покрывал ее тело поцелуями — не имея никакого опыта ранее, я прилежно постигал все премудрости этой науки на практических занятиях, происходивших каждый день.

Я любил, когда в стену стучали соседи, когда приближалась точка кипения нашей близости, и она любила это, и на их неодобрительные взоры мы отвечали лукавой улыбкой — вечерами ли, когда в обнимку шли в душ, по утрам ли, когда шли варить кофе...

Но изгнание из рая все же наступило — не хочу лишний раз вспоминать об этом — был и первый запой, и попытка порезать вены, и похудение на восемь килограммов — словом, был я несчастен и при этом неоригинален в своем несчастье, точнее в методах его проявления. Правда, потом взял себя в руки, сдал все долги по учебе, причем без троек, и решил стать великим музеологом — смешно, и зачем — непонятно.

Память меня ненавязчиво вынесла на берег второй любви — допив виски, я не торопился уходить и размышлял, заказать ли еще, благо от премии оставалось еще триста рублей — хватило бы еще на двойной. Но перебор, подумал я. И тут же черт меня дернул сказать подошедшей официантке:

— Еще сто этого виски, пажаста.

Она кивнула, невозмутимо забрала мой пустой стакан и ушла. А вторая любовь моя была из моей же группы. Если бы я был профессиональным плейбоем, то хотя бы из чисто спортивного интереса познал бы ну хотя бы треть своего коллектива. Но, эстет, я, повторюсь, не был самцом, а потом еще обжегся, и года полтора после расставания боялся самой фразы «начинать отношения», считая ее вульгарной и обреченной на провал.

Я и сейчас не могу вспомнить, когда дружба, нормальные и ни к чему не обязывающие отношения одноклассника с одноклассницей вдруг развились в нечто большее. Валя была хрупкой, невысокой девушкой, мы довольно часто вместе возвращались из университета, благо жили неподалеку друг от друга, часто вместе ходили в библиотеку, а один раз она (не я!) пригласила меня со своими подругами — для конспирации — в кино.

Но как-то мы возвращались домой — уставшие после пар и практики, был темный декабрьский вечер. Она случайно поскользнулась — шли мы, конечно, не за руку, а как простые друзья-товарищи, не касаясь друг друга (разве что ненадолго) — и при падении растянула ногу. Медленно дошли до ее подъезда. Я хотел зайти, но она, улыбаясь через боль, сказала, что доберется сама — оставалось только зайти в лифт, и все.

Я вдруг почувствовал острую жалость и какое-то чувство, до этого не испытываемое к ней, приблизился и поцеловал в губы. Они были на удивление горячими и мягкими. Она ответила на мой поцелуй — робко, ученически, смотря мне в глаза. Не помню, сколько мы так с ней стояли и словно привыкали к чему-то новому, особому, а после этого я молча поднял ее на руки и понес в подъезд. Она и в своем пуховике была пушиной, и я — не атлет — не почувствовал никакой тяжести. Мы вызвали лифт, зашли в него, я нажал клавишу вслепую — оказалось, что поехали на самый верхний этаж (еще бы выше — к небесам!..) и целовались в нем. Но к себе она пошла одна — жила с родителями, да и если бы она была единственной владелицей жилья, все равно бы мне было слишком рано оставаться у нее. В этом была своя правда.

Ночью Валя на такси с мамой поехала в травмпункт. Диагностировали растяжение, и она пропустила пару недель. Я навещал ее каждый вечер, и, пока ее мама подогревала бедному и голодному студенту ужин, мы в ее комнате просто смотрели друг другу в глаза и улыбались, и не было понятно, прошла секунда или целый час.

Мы вместе встречали Новый год — с ее родителями, и наши с ней желания совпадали — мы записали их на листочках бумаги и обменялись ими наутро. Это было во многом по-детски, и вообще, наши отношения были какими-то чересчур невинными: видимо, сказывалось родительское воспитание — отец у нее был полковником, и это уже означало многое.

А спустя три месяца после совместной встречи Нового года на одном из наших свиданий она вдруг призналась, что не может забыть свою первую любовь, которая была еще в десятом классе. Оказалось, что этот парень весь февраль звонил ей и умолял о встрече, и она оттаяла.

Отец-полковник хорошо знал этого парня, а ко мне сразу отнесся с каким-то подозрением. В общем, на свидании она мне сказала, что хочет начать все сначала с тем парнем — школьной любовью. Я чувствовал себя как в дурном кино или бульварном романе — не мог себе представить, что услышу от нее эту фразу, пугающую своей неотвратимостью и чрезмерным несоответствием с ней самой.

Мне показалось, что я на несколько секунд ослеп и оглох одновременно, когда она это произнесла, потом почувствовал синхронный удар внутренних молотков в виски, что-то ответил ей и пошел домой.

Я шел и пел какие-то дурацкие песни, поражаясь водевильности своей ситуации. Потом я ей звонил — она не брала трубку; однажды пришел к ней домой и был с позором выставлен ее отцом. Он был в тельняшке и брюках галифе. Градус пошлости повышался.

Я зашел к Игорю, и мы вдрабадан напился водки, литровую бутылку которой я механически приобрел в ближайшем магазине. В университете наше общение с Валей после этого ограничивалось только типичными «Привет-пока», а после окончания учебы мы ни разу с ней даже не переписывались.

Месяц назад я зашел на ее страницу и увидел на ее аватаре свадебное фото. Счастливым мужем был тот самый бывший десятиклассник, первая ее любовь.

Третьей моей любовью была художница. С ней я познакомился на выставке — свои работы представляли местные авторы (меня среди них не было). Это было в мае. Удивительно, что в тот вечер, когда я пришел на выставку, в зале было только три человека — я, Инна — та самая художница, а также смотритель зала. Самое удивительное, что я до сих пор не знаю, сколько Инне лет. Но влюбился я в нее сразу, я шел, как щенок на поводке, вслед за Инной — наверное, в кармане ее прелестной блузки лежал маленький магнитик, силы которого оказалось достаточно, чтобы я неотступно следовал за ней.

Но то, что ее зовут Инной, я узнал только на улице — поняв, что могу упустить ее навсегда, я решил с ней познакомиться. Первый раз в жизни — на улице. В кармане у меня лежала стипендия, которая была потрачена на кофе и десерты и такси для Инны. Когда она уехала, у меня осталось двадцать рублей мелочью в кошельке, ее номер телефона на клочке бумаги, пахнущем духами с оттенками ванили, и громадная надежда.

Я позвонил ей на следующее утро после знакомства, а вечером ждал на центральной площади с тремя ярко-красными розами. В следующий раз я подарил ей пять роз, а затем — семь. Три тысячи рублей, занятых у Игоря, отдавать пришлось в течение полугода.

Инна на каждом свидании была неотразима. Ее нельзя было считать эталоном красоты в каком-то общепринятом значении этой фразы — но каждая деталь ее одежды, каждое ее слово, каждый взгляд был удивительно волнующими для меня. Я признался ей в любви на втором свидании и сказал, что сделал бы это, еще не зная ее, — настолько сильным тогда казалось мое чувство. Иногда я оглядывался и смотрел вниз — проверял, не выросли ли крылья за моей спиной. Если бы это произошло, то я абсолютно бы не удивился.

Помню наш первый поцелуй в мастерской — стояли различные картины, портреты, натюрморты, пейзажи, пахло свежими красками, а за окном шел дождь. Потом мы пили с ней абсент, разбавляя его водой и процеживая сквозь сахар-рафинад. Мне хотелось остаться в этом дне навсегда — если бы фрагменты памяти можно было записать на цифровой носитель в HD-качестве, я бы пересматривал и пересматривал тот вечер — настолько неземным он был, настолько нетипичным для меня.

Но кончилась и эта история, кончилась ужасно и еще более нелепо, чем история с Валей. В один из июльских дней я упорно не мог дозвониться Инне — набирал ее номер с утра, в течение дня, а вечером, не зная, что делать, поехал в мастерскую. Дверь в нее была закрыта, я от нечего делать стукнул в нее кулаком и вдруг через секунд пятнадцать-двадцать, когда я уже немного отошел от нее, дверь открылась. На пороге стоял высокий бородатый парень лет двадцати пяти — двадцати семи.

— Ты кто? — выдохнул он.

— Добрый вечер, — сказал я, — не подскажешь, как мне найти Инну?

— Инну? — переспросил он. — А зачем?

— Она моя девушка.

— Твоя? — скорчил смешную гримасу он и добавил:

— Солнышко, тут какой-то тип уверен, что ты его девушка. Ошибся или что.

И вышла она — причем даже не вышла, а вынырнула из-под его подмышки — ловко, проворно, изящно и вызывающе.

— Привет, — сухо сказала она мне.

Я чувствовал, что не могу пошевелить языком: казалось, что он или намертво прилип к небу, или вообще высох и выпал — вместо слов я делал какие-то непонятные жесты руками и ладонями.

— Придурок, — диагностировал бородатый парень, с медвежьей нежностью обнял Инну за плечи и громко захлопнул дверь в мастерскую. Через секунду я услышал, как он торопливо закрывает дверь на ключ.

В сомнамбулическом состоянии я добрался до ближайшей лавочки и лег на нее. Темнело. Я лежал и смотрел на небо без единой мысли в голове. От такого занятия, которое длилось неопределенно долгое время, меня отвлекли два милиционера. Представьте себя на моем месте — лежишь на лавочке, неподвижен, и смотришь вверх. Конечно, они приняли меня либо за наркомана, либо за алкоголика. Я встал.

— Что лежим, молодой человек? — строго спросил один из них, поменьше ростом.

Я молчал.

— Все ясно, — сказал более высокий, — пойдем с нами.

И мы пошли. Я не сопротивлялся, не пытался убежать — страж порядка поменьше ростом ловко извлек из внутреннего кармана моего пиджака паспорт, соотнес фото в нем и мое лицо, и мне волей-неволей пришлось следовать за ними. Машина их стояла метрах в тридцати от лавочки. Зашли. Один взял рацию и произнес:

— Четвертый. Четвертый. Обдолбыша взяли. Район Пушкина.

В рации что-то зашумело. Другой голос ответил, но я не понял что. Поехали в отделение. Проверяли на что-то, но для меня все время, проведенное там, превратилось в один скомканный лист бумаги — я что-то подписывал, с чем-то соглашался, а потом вдруг увидел свою плачущую маму. Милиционер в отделении (не разбираюсь в званиях) процедил «Забирайте», и мы ушли.

Дома я лежал на своем диване сутки, и двое, и трое, и неделю. Мой мобильный телефон давно разрядился, и я даже не хотел смотреть, кто мне звонил. Когда немного пришел в себя, включил: звонил Игорь, две одноклассницы и Санька, старый приятель. Инна не звонила. Ни тогда, ни потом. Я — тоже.

Только занял у Игоря еще пять тысяч и ходил на сеансы к частному психологу. Прошло три с половиной года, и у меня не было ни одной девушки. Были пыльные архивы, редкие музейные экспонаты, полуинтеллигентские попойки с Игорем и «ближним кругом». Получил диплом. Через два месяца устроился работать в свой музей. Был взят на минимальную зарплату, было все равно. Пошел стаж. Был два раза на больничном и столько же раз — в областных командировках.

А в тот вечер я сидел и допивал третий двойной виски. Через десять минут я тяжело поднялся со стула, оставил деньги по счету плюс чаевые — в итоге ушла вся премия — и вышел на мороз.

Единственное — снова забыл в аптеке возле дома спросить таблеток, которые убивают все воспоминания.

ПОСЛЕ КОФЕ

Она зашла на автовокзал, навьюченная вещами: большая красная спортивная сумка на одном плече, женская деловая сумка на другом и два объемных пакета в руках. Два из четырех мест на задних сидениях автобуса были свободны — там она и расположилась со своим багажом.

Я слушал в наушниках «Чайф» и постукивал в такт по старому, выдавшему виды портфелю из кожзаменителя. На вошедшую девушку обратил внимание только потому, что она несла тяжелый груз и села рядом со мной.

Автобус ехал быстро — вечер выходного дня, пробок не было, в наушниках играл старый добрый екатеринбургский рок, мое настроение, как и в одноименной песне, было оранжевым — я отлично посидел в доброй, душевной компании — причем, замечу, без капли алкоголя, но с хорошим, крепким кофе, сваренным неторопливо и по всем правилам.

Заряд бодрости после трех чашек кофе был велик — я нравлюсь себе в таком состоянии: раскрепощен, уверен в себе, а вечное мое самоедство уходит далеко-далеко, в такие закрома, что и не хочется его искать. Жаль только, что такое состояние длится от силы несколько часов — потом расплываешься своеобразным «кофеиновым» похмельем — дубовой головой, холодными руками, лихорадочными мыслями и прущими напролом сомнениями, которые приходят на смену романтическому настрою.

Периодически я смотрел на девушку, сидящую рядом, — не нужно было быть тонким психологом, чтобы понять, что она устала. Хотелось ей помочь — было предчувствие, что она выйдет примерно там же, где собирался выйти я. За четыре остановки до своей я вытащил наушники из ушей, выключил плеер и решил, что выйду с ней в любом случае — если ее остановка будет на этом промежутке. Так и случилось: она придвинула к себе красную сумку, готовилась поудобнее взять и остальные вещи. Я спросил, могу ли помочь ей, — она, не ожидая этого, просто устало пробормотала «ага», автобус подъехал к остановке, двери зашипели, и мы вышли.

— Спасибо, — смущаясь, сказала она, — я пойду.

— Да нет, давайте я вас провожу, — ответил я. — Долго ли идти?

— В принципе, тут рядом.

И тут все мое красноречие сошло на нет. Я элементарно не знал, с чего начать — а казалось бы, все козыри на руках: красив, довольно строен, вчера побрился, строгое кепи, модное коричневое пальто. Правда, портфельчик староват, да ладно. Ну, давай, спроси у нее что-нибудь. Не молчи, дурачок. Ты же не носильщик на вокзале — что, тебе суют в потную ладонь деньги и ты катишь свою тележку? Нет?

Перешли дорогу по светофору. Она обогнала меня:

— Сейчас направо.

В общем-то, шли знакомыми местами — здесь располагалось несколько колледжей, в которых кого только ни готовили: начиная от нынешней классики жанра — экономистов и программистов — до поваров, строителей и танцоров. Надо было что-то говорить, но я все молчал, как рыба. Это было совсем не романтично и как-то даже пресно — может, сейчас уже придем, а я не проронил ни слова. Глупо. Ей еще нужно было в магазин — мы зашли, я подождал у порога. Пока она что-то покупала — поздоровалась с продавщицей перед этим (значит, живет неподалеку) мимо прошел грузный и хмурый кавказец, который чуть не врезался в меня, как ледокол в айсберг.

Вышел первым. Подержал для нее дверь. Перешли еще одну дорогу по переходу.

— Вы где-то здесь учитесь? — наконец спросил я.

— Да, в колледже — вон том, следующем за экономическим.

— А на кого, если не секрет?

Не секрет. Ответила. Спросил, кого она считает примерами для подражания, нравится ли ей то, где она учится и чем занимается. Давно ли учится, спросил я. Ответила.

Ох, позор. Почувствовал себя неумехой-журналистом с потными ладонями и заклинивающим диктофоном на пресс-конференции залетной поп-звезды. И умолк — перед этим покивал, сказал «угу, угу», и все.

Ну вот и пришли к колледжу — как я понял, там же находилось и общежитие. Зашел с ней в «предбанник», она сказала «дальше нельзя, спасибо большое», и я ушел.

Не то что телефон не спросил — имя не узнал. Хотя я и не рассматривал ее как некий потенциальный объект для отношений — извиняюсь за сухую формулировку, — просто хотелось помочь. Хотелось — помог, зачем имя? Уйди таинственным незнакомцем в осенние сумерки, сделал доброе дело — не выпячивай это. Нет вот, что-то задело меня в ее облике — или в образе, который моментально сам себе нарисовал, — у меня это часто бывает.

Пришел домой, зашел в Интернет, стал искать ее в социальной сети. Что я знал, чем располагал? У меня: а) название учебного заведения, б) направление подготовки, в) примерный возраст — лет шестнадцать-восемнадцать, не больше, г) внешне похожа на мою бывшую одноклассницу, ныне — мать двоих детей. Негусто.

Искал полчаса. За это время, как опытный детектив, раскрутил все, что имел, по полной: знаю название учебного заведения — нашел его сайт, зашел на него, скачал документ с информацией о поступивших в этом году абитуриентах, посмотрел, кто поступил на ее направление. Решил начать с первокурсниц — что-то подсказывало, что она только-только поступила в колледж. Но я нашел в Интернете как минимум троих, похожих на нее, и опешил. Потом понял, что одна из них — точно не она, осталось две. Долго сравнивал: фотографий было мало, а я не очень запомнил ее лицо. Потом все-таки из двух выбрал одну — вроде бы точно она. Не из нашего города — да, так было указано в ее анкете, возраст (узнал на другом сайте) — шестнадцать лет, похожа больше остальных. Жаль, фото со спортивной красной сумкой нет, тогда точно бы развеялись все сомнения. Хотя нелепо, если бы такое имелось.

Подумал: и что теперь, Шерлок Холмс, ты ей напишешь — мол, здравствуйте, я вам сегодня помог донести сумку вечером? А она же помнит, что мы не познакомились — каким образом я узнал о ней, резонно спросит она, если это еще — она. Начну говорить, что по косвенным уликам вычислил? Шпион — подумает, а кто же еще. Или маньяк. Знал, поди, кто такая, и специально вычислил, следил за ней.

И не написал я ей, и стал себя убеждать, что ни к чему совсем эти авантюры, и что дала бы наша переписка — пригласил бы на свидание да подарил недорогую шоколадку и розу? Стал убеждать себя, что она разместила глупые записи, слушает попсу, короче, нет у нее вкуса. Да и средний балл аттестата небольшой — узнал из раздела «Абитуриенту».

И действие кофе как-то подходило к концу, опять семь раз отмерь, один отрежь. Шанс упущен. Уже руки опять похолодели — сердце: кофе много выпил. Голова скоро заболит.

Так и не напишу ей, наверное, никогда. А завтра утром или даже сегодня ночью она и забудет, что ей парень — в принципе, симпатичный — вызвался помочь и донес сумку. Ага, а давай я ей через недельку еще напишу что-нибудь в таком духе:

«Здравствуйте! Вы знаете, неделю назад я помог донести одной девушке сумку до колледжа — это случайно не вы? Я воспользовался методом поиска, просмотрел фотографии и нашел вас очень похожей на нее...»

И так далее. Насколько пошло-то!.. Ничего не ответила бы золотая рыбка на это — если бы даже была той, с кем я прошелся пару сотен метров от остановки до «предбанника». Но, чувствую, будет грызть меня червь сомнений — плюс ко всему, что есть, что проявится, когда кофе полностью «выветрится». Ладно, инкогнито, спать надо идти, завтра куча дел. И вот так почти всегда — оправдываю собственную нерешительность, ищу отговорки, а как же жить?

Ты — писатель, ты должен не фантазировать, не высасывать сюжеты из пальца! А если бы я тогда не нахлестался кофе — что, так и позволил бы ей выйти с тяжелыми сумками, так бы и сидел с наушниками в ушах, отвернувшись к окошку?

Вот так оправдываешь себя, например, когда не помогаешь вытащить из салона молодой матери коляску, притворяешься спящим, когда над тобой стоит человек, может даже втрое тебя старше, — вроде бы ты ничего не нарушаешь, ведь есть другие. Другие, кто поможет, кто уступит, кто проводит, кто познакомится.

А ты сиди и думай, что потом когда-то начнешь раскручиваться, развиваться, что — раз! — и станешь мачо, душой компании, коммуникабельным и щедрым на комплименты малым.

Да ни фига так не будет. И вся эта безвкусица как на подбор, все эти записи с сопливо-сентиментальных ресурсов, вся недалекая музичка гораздо честнее дурацкого самокопания и прикидывания: как поступить — так или сяк? И когда? И вообще — надо ли?

Еще раз посмотрел ее фотографии. Да она это, она.

